

УЧЕНЫЙ, МУФТИЙ И ПОЛИТИК – ТРИ «ЖИЗНИ» ЯКУБА ШИНКЕВИЧА*

проф. хабил. д-р Диляра УСМАНОВА

E-mail: dusmanova2000@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1046-7945>

Аннотация. Статья посвящена биографии выдающего представителя общины польско-литовско-белорусских татар – Якуба Шинкевича¹, чей жизненный путь пришелся на первую половину XX в., полную политических катаклизмов и переломов. Якуб Шинкевич и в научной сфере, и на религиозно-административном поприще достиг больших успехов, оставив после себя богатое наследие и добрую память. Пожалуй, лишь политическая его деятельность современными исследователями толкуется неоднозначно, поскольку базировалась на сотрудничестве с тоталитарным преступным режимом. Этот выбор был отчасти предопределен теми политическими реалиями, которые доминировали в Восточной Европе на рубеже 1930–1940-х гг.

В данной статье основное внимание уделено научной деятельности Якуба Шинкевича, пришедшейся на берлинский период его жизни (первая половина–середина 1920-х гг.). В то же время представляется целесообразным сделать полный обзор основных этапов земного пути Я. Шинкевича, что позволит нам вписать его академические достижения в более широкий исторический контекст и показать, чем был обусловлен выбор той или иной жизненной траектории, в которой порой делались чрезвычайно резкие и судьбоносные повороты. Я. Шинкевич никогда не выступал как «кабинетный» ученый, занимающийся «чистой наукой», а скорее представлял собой довольно политизированную личность. Тем не менее, его вклад в мировое востоковедение весьма значителен и связан как с китаистикой, так и тюркологическими исследованиями сочинений Рабгузи и других средневековых текстов. Научные достижения Я. Шинкевича не должны заслоняться его религиозно-административной или политической деятельностью.

* Данная работа была выполнена в рамках проекта «Тюрко-татарская эмиграция в межвоенной Германии (1920–1940): центры, акторы и коммуникация», поддержанного грантом DAAD.

1 В Российской империи и русскоязычных текстах его имя и фамилия зачастую писались как Яков Шинкевич, в Германии – Jakob (Jakub, Jacob) Schinkewitsch, в Польше – Jakub (Jakob) Szynkiewicz. Его биографии посвящен ряд публикаций: J. Tyszkiewicz, 1998; H. Jankowski, 2011, s. 61–68; A. Якубаускас, 2012, с. 385–386; S. Gąsiorowski, 2015, s. 321; Г. Червинский, 2015, с. 210–213.

Ключевые слова: Якуб Шинкевич, польско-литовские татары, востоковедение, тюркология, Берлинский университет, сочинение Рабгузи, Речь Посполитая, Вильно, муфтиат.

MOKSLININKAS, MUFTIJUS IR POLITIKAS – TRYS JOKŪBO ŠINKEVIČIAUS „GYVENIMAI“

Santrauka. Straipsnis skirtas iškilaus Lenkijos, Lietuvos ir Baltarusijos totorių bendruomenės atstovo Jokūbo Šinkevičiaus, kurio gyvenimo kelias driekėsi XX a. pirmoje pusėje, kupinoje politinių sukrėtimų ir lūžių, biografijai. Gamtos apdovanotas puikiais sugebėjimais, Jokūbas Šinkevičius paliko reikšmingą pėdsaką visose srityse ir reikaluose, kuriuose tik dalyvavo. Tiek mokslo srityje, tiek religinėje ir administracinėje srityje jis sulaukė didžiulės sėkmės, palikdamas reikšmingą palikimą ir gerus atsiminimus apie save. Matyt, tik jo politinė veikla (pagrįsta abejotinu bendradarbiavimu su totalitariniu, nusikalstamu režimu) šiuolaikinėje literatūroje susilaukia smerkimo ir įvairių interpretacijų. Reikėtų paminėti, kad šį pasirinkimą iš dalies lėmė tos politinės realijos, kurios dominavo 1930–1940 m. sandūroje Rytų Europoje.

Šiame straipsnyje pagrindinis dėmesys skiriamas moksliniam Jokūbo Šinkevičiaus biografijos komponentui, kuris dominavo jo gyvenime XX a. trečio dešimtmečio pirmoje pusėje–viduryje, reziduojant Berlyne. Prasminga ir visapusiškai apžvelgti pagrindinius jo gyvenimo etapus, leidžiančius į „mokslinę“ dalį patekti iš platesnio istorinio konteksto, taip parodant, kas lėmė vieną ar kitą strateginį gyvenimo trajektorijos, kurios kartais būdavo itin staigios ir lemtingos, pasirinkimą. Nors J. Šinkevičius niekada neveikė kaip „kabinetinis“ mokslininkas, užsiimantis „grynu mokslu“, veikiau buvo gana politizuota asmenybė. Nepaisant to, jo indėlis į orientalistikos pasaulį yra itin reikšmingas ir siejamas tiek su „kitabistikos“, tiek su tiurkologiniais Rabguzi raštų ir kitų Viduramžių tekstų tyrinėjimais. Mokslinė veikla neturėtų būti temdoma religinių-administracinių ar politinių Jokūbo Šinkevičiaus veiksmy.

Raktiniai žodžiai: Jokūbas Šinkevičius, Lenkijos–Lietuvos totoriai, orientalistika, tiurkologija, Berlyno universitetas, Rabguzi kūryba, Abiejų Tautų Respublika, Vilnius, muftiatas.

Минск: начало пути

Якуб Шинкевич (16 апреля 1884 г., Ляховичи, Минская губерния, Российская империя – 1 ноября 1966 г., Уотербери, США) родился в семье землевладельца Сулеймана Шинкевича и его супруги Фатимы. До революции 1917 г. местечко Ляховичи Минской губернии находилось в Российской империи, однако

по Рижскому договору 1921 г. населенный пункт отошел Польше. Самыми крупными городами Новогрудского воеводства Польши в 1921–1939 гг. были: Барановичи, Лида, Слоним и Новогрудок. В настоящее время данная территория входит в состав Беларуси. В семье Шинкевича было трое детей: сыновья Мустафа (1879–1939 (?)) и Якуб (1884–1966), а также дочь Амина (?–?). Сначала Якуб учился в различных национальных начальных школах, а в пятнадцатилетнем возрасте был зачислен сразу в 3-й класс реального училища в Минске, где проучился 5 лет (1899–1904). Сведений об этом периоде его жизни недостаточно, однако можно предположить, что детские и юношеские годы Якуба Шинкевича были вполне традиционными для представителей общины литовско-белорусских татар рубежа XIX–XX вв.

Санкт-Петербург: студенческие годы

В 1904 г., после окончания минского реального училища, Я. Шинкевич переехал в столицу, где поступил в Санкт-Петербургский практический технологический институт Императора Николая I. Основанное в 1828 г. и просуществовавшее вплоть до 1918 г. учебное заведение готовило инженеров-технологов, главным образом химиков и механиков. В этом институте Я. Шинкевич числился до 1910 г. В студенческие годы он также был членом «Кружка польских студентов-мусульман» (1907–1910), объединявшего молодых выходцев из западных областей Российской империи. Общественная активность студентов в эти годы значительно возросла и, самое важное, благодаря революции 1905–1907 гг. приобрела законные институциональные формы. Одной из них были различные землячества и территориально-национальные объединения. Для многих молодых людей из западных регионов империи, обучающихся в Петербурге и Москве, таким объединением стал «Кружок польских студентов-мусульман».

Якуб Шинкевич отмечал в своей автобиографии, что после некоторых раздумий он осознал, что не испытывает склонности к техническим наукам, и принял решение посвятить себя гуманитарным наукам, точнее, ориенталистике. Поэтому в 1910 г. Я. Шинкевич покинул Технологический институт и после сдачи необходимых дополнительных предметов (в частности, латинского языка), в 1912 г. поступил на востоковедческое отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Поскольку на тот момент ему было уже 28 лет, очевидно, что это было осознанное и довольно непростое решение.

Во время учебы в университете (1912–1914) Я. Шинкевич изучал арабский, персидский и турецкий языки. Летом 1913 г. он некоторое время находился в Стамбуле, что зафиксировано в донесениях осведомителя Казанского губернского жандармского управления Ханафи Кайбышева². В это время Я. Шинкевич не только совершенствовал свои познания в турецком языке, но и наладил контакты с представителями татарской молодежи, находившейся в турецкой столице.

В студенческие годы совместно со своим научным руководителем, профессором А. Н. Самойловичем (1880–1938), Я. Шинкевич начал исследовать рукописные книги (китабы) и религиозные тексты, распространенные среди польско-литовских татар³. Один из таких рукописных сборников он начал расшифровывать с целью последующей публикации на русском языке в академическом издании. Правда, эта работа, в силу ряда обстоятельств, не была вовремя завершена. В начале 1920-х гг. экземпляр рукописи всё еще хранился в личном архиве профессора, в то время как судьба забросила Я. Шинкевича на Запад. Однако А. Н. Самойлович состоял в переписке со своим учеником по меньшей мере до середины 1920-х гг.⁴, о чём можно судить по статье профессора 1926 г.

Позднее Я. Шинкевич всё же опубликовал небольшую статью, посвященную обзору рукописей польско-литовских татар, в первом томе «Rocznik Tatarski» (1932)⁵. Возможно, эта статья базировалась в том числе на работах, сделанных еще в студенческие годы. Во втором томе того же альманаха «Rocznik Tatarski» (1935) была опубликована еще одна статья Я. Шинкевича, посвященная религиозной литературе польско-литовских татар⁶. Таким образом, спустя два десятилетия он вновь обратился к увлечению молодости и смог завершить начатую работу.

2 Из донесений Ханафи Кайбышева о поездке в Стамбул в июне-июле 1913 г., см.: Г. Мансуров, 1925.

3 А. Н. Самойлович, 1926, с. 3–7. В этой статье проф. А. Н. Самойлович, используя работы Я. Шинкевича, подробно описал текстуальные особенности рукописи.

4 К сожалению, в архиве А. Н. Самойловича, хранящемся в Институте восточных рукописей Российской академии наук (СПбФ АРАН, ф. 782, оп. 2, Письма), нет писем от Я. Шинкевича. Осенью 1937 г. известный востоковед был арестован, а в феврале 1938 г. расстрелян, поэтому значительная часть его переписки могла быть изъята НКВД и ликвидирована (в лучшем случае – приобщена к следственному делу). О репрессиях в отношении А. Н. Самойловича см.: Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов, 1996, с. 153–162.

5 J. Szyrkiewicz, Rocznik Tatarski, 1932, s. 188–195. Подробнее см.: Н. Jankowski, 2011, s. 64–65.

6 J. Szyrkiewicz, 1935, s. 138–145.

Однако вернемся назад, к студенческим годам. Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война вынудила Я. Шинкевича прервать обучение в университете. По некоторым сведениям, он был призван в армию и вплоть до 1917 г. находился на фронте⁷. В 1918–1919 гг. вместе с другими польскими и литовскими татарами, вероятно, участвовал в национально-освободительном движении крымских татар, однако информация об этих годах чрезвычайно скупа и отрывочна.

Берлин: тюркология

После окончания войны судьба Я. Шинкевича делает очередной крутой поворот: осенью 1919 г. он приехал в Берлин с намерением продолжить получение высшего образования. Начиная с зимнего семестра 1919/1920 гг. и до окончания зимнего семестра 1920/1921 гг. (то есть с ноября 1919 г. и вплоть до весны 1921 г.) он изучал восточные языки в Семинаре восточных языков Берлинского университета. Наконец, 23 апреля 1921 г. Я. Шинкевич был зачислен в качестве полноправного студента на философский факультет Берлинского университета, где учился до зимнего семестра 1923/1924 гг. Летний семестр 1924 г. он провел в Британском музее, изучая в рамках своей диссертационной работы рукопись Рабгузи⁸.

В берлинский период жизни (1919–1927) Я. Шинкевич, помимо учебы в университете, активно общался с немецкими тюркологами и исламоведами, был членом «Восточного клуба» (Oriental Club in Berlin), созданного по инициативе турецкого посольства, посещал мечеть в районе Вильмерсдорф (Wilmersdorf). Контакты с «Исламским сообществом Берлина» (Islamische Gemeinde Berlin) сохранялись и после отъезда Я. Шинкевича из немецкой столицы, поскольку его имя встречается в списках членов этого общества за декабрь 1928 г.⁹

Определенные контакты у него завязались и с представителями тюрко-татарской эмиграции, обосновавшимися в Берлине. А.-З. Валиди упоминал в своих воспоминаниях о нескольких встречах с Якубом Шинкевичем в 1924 г. На одном приеме, устроенном в доме руководителя ахмадийской

7 Примечательно, что в своей довольно подробной автобиографии этот период жизни (1914–1919) Я. Шинкевич полностью обошел вниманием. См.: HU UA, Phil. Fak. 01, Diss. Promotionen bis 1945, Diss. № 653, s. 322.

8 HU UA, Phil. Fak. 01, Diss. Promotionen bis 1945, Diss. № 653, s. 282–283, 322.

9 Архив Берлинской мечети (не систематизирован).

общины и имама берлинской мечети Садретдина, помимо А.-З. Валиди и Я. Шинкевича, гостями были представители индийской общины. На этой встрече, среди прочего, обсуждалась проблема транскрибирования исламских терминов, исходя из фонетических особенностей различных восточных языков и наречий¹⁰.

Летом 1925 г. Я. Шинкевич (в это время он проживал по адресу: Berlin, N.W. 21, Lübeckerstr. 10, bei Müller¹¹) завершил и представил на утверждение университетской комиссии докторскую диссертацию на тему «Синтаксис произведений Рабгузи»¹². Официальные референты – профессора Вилли Банг-Камп (W. Bang-Kamp, 1869–1934) и Евгений Митwoch (E. Mittwoch, 1876–1942) – высоко оценили проделанную работу (ноябрь 1925 г.). В своем развернутом отзыве В. Банг-Камп отметил, что перед диссертантом стояла занимательная задача – изучить часто цитируемые тексты Рабгузи с лингвистической точки зрения. Когда Я. Шинкевич взялся за работу, то обнаружил, что казанские издания Рабгузи представляют собой модернизированные с точки зрения языка тексты. Это создало определенные трудности, которые диссертант смог отчасти преодолеть, дав подробное описание одной из рукописей Рабгузи, хранившейся в Британском музее. В. Банг-Камп подчеркнул, что соискатель блестяще справился со сложным почерком переписчика. В итоге Я. Шинкевич осуществил систематическое изложение синтаксиса сочинений Рабгузи, продемонстрировав обоснованность и разумность суждений и выводов. Профессор отметил, что точные наблюдения и глубокий анализ, выполненный в ходе работы над диссертацией, позволили хорошо понять и правильно интерпретировать авторский язык анализируемых текстов. Это блестящее филологическое исследование, по мнению рецензента, может служить основой для последующих аналогичных работ, а также имеет большое значение для понимания как фрагментов Турфанских текстов, так и более поздних диалектов. Благодаря наблюдениям и выводам Я. Шинкевича, в частности, удалось исправить большое количество отрывков в сложном произведении Махмуда ал-Кашгари «Диван-и лугат ат-турк»¹³.

Следует несколько слов сказать о предмете исследования Я. Шинкевича и о его связи с Казанью. Рабгузи (настоящее имя – Насретдин сын Бурха-

10 З. Валиди-Тоган, 1998, с. 252, 296.

11 HU UA, Phil. Fak. 01, Diss. Promotionen bis 1945, Diss. № 653, s. 288.

12 J. Schinkewitsch, 1926, s. 46.

13 HU UA, Phil. Fak. 01, Diss. Promotionen bis 1945, Diss. № 653, s. 289.

нетдина) – тюркоязычный поэт и писатель золотоордынской эпохи, живший на рубеже XIII–XIV вв. в Хорезме (Маверранахер), автор ряда произведений религиозно-дидактического и лирического характера, которые получили широкое распространение среди татарского и узбекского населения. Самые ранние варианты сочинения Рабгузи дошли в списках XV–XVI вв., однако большая их часть представлена рукописями XVIII–XIX вв.¹⁴

Самое известное произведение Рабгузи – «Кыйсса-сел энбия» (1309–1310), которое в татарской традиции чаще именуется «Кыйсса-и Рабгузи». Данное сочинение Рабгузи впервые было опубликовано в середине XIX в. в Казани при участии Н. И. Ильминского (1859). Затем оно неоднократно переиздавалось, будучи необычайно популярным у татароязычных читателей, а также широко использовалось в медресе в качестве учебников и хрестоматий. Считается, что сочинения Рабгузи (в настоящее время включенные в антологии татарской и узбекской поэзии) оказали сильное влияние на творчество Тажетдина Ялчыгула, Габдрахмана Утыз-Имани и др.¹⁵

В библиотеке Казанского университета хранятся как печатные, так и рукописные варианты «Кыйсса-сел энбия», среди которых не менее 8 изданий, напечатанных на рубеже XIX–XX вв. (1859, 1891, 1899, 1903, 1904–1905, 1909, 1910 и 1911) в различных казанских типографиях (университетской, Кадырова, Хусаинова и «Миллят»). В 1916–1917 гг. сочинение Рабгузи было также издано в Ташкенте. Наконец, в 1948 г. в Копенгагене был издан рукописный список, хранящийся в Британском музее и описанный Я. Шинкевичем¹⁶.

Помимо этого, в Отделе редких рукописей и книг Научной библиотеки Казанского федерального университета (далее – ОРК НБЛ КФУ) собрано по меньшей мере десять рукописных списков данного произведения Рабгузи разной степени полноты и объема, переписанных преимущественно в первой половине XIX в. В рукописном собрании Института языка, литературы и искусства (Казань) хранится один список конца XVIII в. Некоторые рукописи были выявлены и поступили в библиотеку Казанского государственного университета (далее – КГУ) в 1930-х гг. (возможно, во время экспедиций под руководством Саида Вахида). Еще несколько рукописных списков были обнаружены участниками Археографических экспедиций КГУ в 1963–1970-х гг.¹⁷. Несмотря на то, что большинство из хранящихся

14 Al-Rabghūzi, 1995.

15 Татар поэзиясе антологиясе, 1992, с. 51.

16 Н. Е. Voeschoten, M. van Damme, 1985, s. 177–183.

17 Два списка, обнаруженные во время экспедиции КГУ в Касимов, были получены от

в ОРПК НБЛ КФУ списков имеют дефекты (неполная комплектность листов, отсутствие даты копирования, негативные последствия ненадлежащего хранения и пр.), их значительное количество является еще одним свидетельством широкой распространенности данного произведения среди татарского населения Европейской части России.

Очевидно, что Я. Шинкевичу были доступны лишь печатные версии произведения Рабгузи, изданные в Казани на рубеже XIX–XX вв. Нет никаких свидетельств, что он когда-либо приезжал в Казань и тем более посещал университетскую библиотеку. И конечно, у него не было возможности работать с рукописными вариантами этого произведения, хранившимися там. Более того, за почти сто лет, прошедшие после защиты диссертации, были обнаружены новые списки рукописей Рабгузи, а также проведены новые текстологические исследования¹⁸. Тем не менее, диссертация Я. Шинкевича сохраняет свою актуальность и значимость как важное историографическое явление.

Примечательно, что объемный текст диссертации (180 с.) из-за финансовых проблем по решению деканата был сокращен наполовину и опубликован в усеченном варианте. По мнению автора, такое сокращение текста могло крайне негативно сказаться на его будущей научной репутации¹⁹. В январе 1926 г. Я. Шинкевич ходатайствовал о выделении средств для публикации диссертации в полном виде, однако эта помощь не была оказана. К сожалению, полный текст диссертации так и не был издан, а судьба рукописи неизвестна.

Диссертационное исследование Я. Шинкевич «Синтаксис произведений Рабгузи» было удостоено высшей оценки («очень похвально», «sehr gut», «vorzüglich» или «valde laudabile»). Устная часть кандидатского экзамена, включавшая арабский, турецкий и новоперсидский языки, а также исламоведение и философию, была сдана 10 декабря 1925 г. и оценена экзаменаторами на высший балл («magna cum laude»).

В силу ряда причин публичная защита диссертации несколько раз откладывалась. В итоге она состоялась не летом 1926 г., как планировалось

Ф. Башировой и К. Бахчиева в 1964 г.; еще по меньшей мере один список был обнаружен во время экспедиции в Балтасинский район Республики Татарстан в 1970 г. Подробнее см.: М. Госманов, 2019, № 9, с. 30–35; М. Госманов, 2019, № 10, с. 32–38.

18 M. van Damme, 1992, s. 7–37; позднее в Турции был опубликован турецкий перевод работы Я. Шинкевича: J. Schinkewitz, 1947.

19 HU UA, Phil. Fak. 01, Diss. Promotionen bis 1945, Diss. № 653, s. 291.

изначально²⁰, а только 25 февраля 1927 г. (см. вклейку № VI). После окончания обучения в Берлинском университете и какое-то время до публичной защиты диссертации Я. Шинкевич занимался преподавательской и переводческой деятельностью, однако не на регулярной основе. В середине 1920-х гг. экономическая ситуация в Берлине заметно ухудшилась, что вынудило его, как и многих других эмигрантов, покинуть Германию. Так завершился берлинский и академический период его жизни, суливший гуманитарной науке появление нового большого ученого. Однако в середине 1920-х гг. Я. Шинкевич сделал выбор в пользу религиозного администрирования.

Польша: во главе муфтиата

Отъезд Я. Шинкевича из Берлина был вызван рядом политических и экономических причин, а также личными обстоятельствами. Вероятно, важным аргументом стало то, что на Всепольском съезде делегатов мусульманских общин (Вильно, 28–29 декабря 1925 г.) он был избран муфтием мусульман Польской Республики (см. вклейку № VII). Решением съезда полковник в отставке Якуб Романович – прямой конкурент на соискание должности муфтия – стал заместителем Я. Шинкевича. Также был утвержден состав комиссии по выработке устава религиозного правления. В нее вошли: Александр Ахматович, Адам Мурза-Мурзич, Али Полторжицкий и Гаян Ваисов²¹. Помимо 58 делегатов, представлявших 18 мусульманских общин из основных «мусульманских» районов (виленского, новогрудского, белястокского и варшавского), на съезде присутствовали члены польской администрации, а также представители светской татарской интеллигенции. Таким образом, в биографии Я. Шинкевича начался новый этап, который можно условно назвать «религиозно-административным».

Апрель-июнь 1926 г. Я. Шинкевич провел в Каире, куда прибыл для участия во Всеимусульманском конгрессе, состоявшемся 13–19 мая²², а уже с осени 1926 г. обосновался на постоянной основе в Вильно, где с небольшим промежутком прожил вплоть до лета 1944 г. В 1926–1939 и 1941–1944 гг. он являлся польским муфтием, а центром размещения муфтиата был избран

20 В июне 1926 г. Я. Шинкевич прислал из Каира ходатайство об отсрочке даты публичной защиты диссертации. Такое разрешение было дано до конца 1926 г. См.: HU UA, Phil. Fak. 01, Diss. Promotionen bis 1945, Diss. № 653, s. 293.

21 Rocznik Tatarski, 1932, s. 321–322.

22 Rocznik Tatarski, 1932, s. 323.

г. Вильно как город с самой большой татарской общиной и татарскими поселениями в округе.

В качестве главы религиозного объединения, Я. Шинкевич наблюдал и координировал духовную жизнь польско-литовских мусульман и мусульманских приходов. Под его руководством были урегулированы юридические отношения мусульманских религиозных общин с польским государством – 21 апреля 1936 г. был принят закон «Об отношении государства с Мусульманским религиозным союзом в Республике Польша». В первой половине 1930-х гг. Я. Шинкевич также занимался переводом Корана с арабского на польский язык, который был издан в 1935 г. в виде отдельной книги («Werset y z Koranu»).

Хотя со второй половины 1920-х гг. Я. Шинкевич постоянно проживал в г. Вильно, в эти же годы он совершил несколько длительных и дальних поездок, в основном с религиозными, религиозно-административными и дипломатическими целями. На протяжении 1930-х гг. муфтий осуществил ряд поездок на Ближний и Средний Восток: весной 1930 г. он совершил хадж²³, за ним последовало длительное путешествие в Египет (где его принял король Египта Фуад I)²⁴, Хиджаз, Сирию и Палестину (март – июль 1930 г.)²⁵. Повторно Я. Шинкевич посетил Египет и Турцию в 1932 г. В январе 1935 г. он предпринял поездку с религиозными целями в Югославию, а осенью того же года возглавил мусульманскую делегацию Польши на общеевропейском мусульманском конгрессе в Женеве (12 сентября 1935 г.)²⁶. В ходе работы конгресса муфтий был избран в президиум съезда и выступил с двумя докладами («Толерантность в исламе» и «Состояние религии польских мусульман»), в которых осветил религиозную историю польско-литовских татар.

Муфтий Я. Шинкевич был одним из инициаторов строительства в Варшаве здания соборной мечети и активно участвовал в сборе средств для него. В частности, в 1936 г. им была осуществлена большая поездка в Индию, основной целью которой стал сбор средств на строительство святыни. По дороге в Азию польский муфтий на некоторое время остановился в

23 Разбор особенностей паломничества Я. Шинкевича, осуществленного в мае 1930 г., а также анализ оставленных им текстов подробнее см.: B. R. Zagórski, 2017, p. 174–178; G. Czerwiński, 2013.

24 По некоторым сведениям, по итогам этой встречи египетский король Фуад I выделил на ремонт мечетей в Польше 23000 зл. См.: *Życie Tatarskie*, 1935, s. 3.

25 G. Czerwiński, 2013.

26 *Życie Tatarskie*, 1935, s. 1–7.

Берлине, где общался с имамом и активом местной мечети, о чём была помещена большая заметка в журнале «Moslemische Revue»²⁷. Вероятно, прежние контакты первой половины 1920-х гг. с руководством ахмадийской общины и ее берлинским центром способствовали успеху вояжа Я. Шинкевича в Индию.

Во время своих поездок муфтий вел дневники, на основе которых позднее публиковал в прессе (в основном, в польско-татарских изданиях) обширные репортажи и обзоры, а также выступал с отчетами на заседаниях культурно-просветительских отделов «Союза татар Польши»²⁸. В частности, известно о выступлениях Я. Шинкевича на заседаниях Виленского отдела «Союза татар» с лекциями на следующие темы: «Отчет о мусульманском конгрессе в Каире» (26 ноября 1926 г.), «Впечатление о путешествии в Турцию и Югославию» (4 декабря 1927 г.), «О путешествии в Сирию» (4 ноября 1931 г.)²⁹, «О поездке в Палестину» (21 января 1934 г.) и др. Большинство путевых заметок Я. Шинкевича были обработаны и опубликованы в виде монографии Г. Червинским в 2013 г.³⁰.

В 1930-х гг. Я. Шинкевич, будучи членом Польского общества ориенталистов, выступил с планами преподавания в Виленском университете им. Стефана Батория восточных языков³¹. В целом, знание муфтием Я. Шинкевичем большого числа языков, в том числе и восточных (он владел почти 10 языками, включая арабский, персидский, турецкий, немецкий, русский и др.) способствовали налаживанию новых контактов и связей в мусульманском мире. Все восточные гости – от таких высокопоставленных как афганский шах Аманулла (29–30 апреля 1928 г.) и турецкий посол (28 июля 1930 г.) до рядовых татарских эмигрантов – неизменно принимались руководством виленского муфтиата. При этом большое значение имели религиозный и научный авторитет Я. Шинкевича, а также владение многими языками, позволявшие ему свободно общаться с представителями различных этнических групп мусульманской уммы³². Современники,

27 Moslemische Revue, 1937, s. 15–18.

28 Rocznik Tatarski, 1932, s. 323–324.

29 Воспоминания об этой поездке были помещены в журнале «Życie Tatarskie» (1934, № 1–4).

30 G. Czerwiński, 2013.

31 А. Якубаускас, 2012, с. 385–386.

32 Из протокола допроса обвиняемого Романовича Якова Ромуальдовича от 15 ноября 1940 г., in: Lietuvos upatingasis archyvas (toliau – LYA), f. K-1, ap. 58, b. P-12811, l. 32–33.

помимо полилингвизма, отмечали такие личные качества муфтия, как хорошее образование, глубокие знания догм ислама, а также гордый нрав³³.

В помещении муфтиата (Вильно, ул. Михальска, д. 5 / Wilno, ul. Michalska, d. 5), кроме собственно религиозного центра, располагались культурно-национальные организации: Центральная рада «Союза татар Польши» (глава – Ольгерд Кричинский), «Союз татарской молодежи» (руководитель – племянник муфтия Эдигей Шинкевич-Кырымлы), а также «Музей татарского народа», основанный в мае 1929 г. и имевший статус общественной организации. Коллекция музея включала рукописные и старопечатные экземпляры Корана, различные религиозные сборники, исторические документы и фотографии, старинные монеты, документы XVIII в., характеризующие взаимоотношения татарской общины с польским государством, а также документы, связанные с важными историческими личностями, такими как Александр Сулькевич³⁴. В 1929–1930 гг. был составлен и издан каталог предметов, хранившихся в музее³⁵. Как и в случае с другими немногочисленными национальными общинами, национальные центры польско-литовских татар носили комбинированный культурно-национальный и религиозный характер.

По меньшей мере до августа 1925 г. Я. Шинкевич сохранял российское гражданство³⁶, однако в период проживания в Польской Республике (1926–1939) он сменил его на польское. Наконец, 25 ноября 1939 г., после изменения государственных границ и вхождения Вильнюса в состав Литвы, по некоторым данным, Я. Шинкевич принял литовское гражданство³⁷. Эти изменения гражданской принадлежности затронули многих польско-литовских татар, проживавших в то время в данном регионе. В ряде случаев они имели крайне негативные последствия (например, принятие литовского гражданства трагически сказалось на судьбе Ольгерда Кричинского). Вероятно, литовское гражданство приняли и члены семьи Я. Шинкевича.

О личной жизни и семье Якуба Шинкевича в доступных источниках не так много информации. Наиболее активными в общественной сфере были его старший брат Мустафа (2 мая 1879 г. – 1939 (?) г.) и родной племянник

33 Из показаний заместителя муфтия Якова Романовича, руководителя «Союза татарской молодежи» Хусейна Якубовского и др., см.: LYA, f. K-1, ар. 58, b. 5949/3, l. 48–53.

34 Rocznik Tatarski, 1932, s. 331.

35 Katalog Tatarskiego Muzeum, 1929.

36 HU UA, Phil. Fak. 01, Diss. Promotionen bis 1945, Diss. № 653, s. 298.

37 А. Якубаускас, 2012, с. 385–386; E. Račius, 2016, p. 178–204.

Эдигей Шинкевич (в Турции Edige Kırmal или Мустафа Кырымаль). Мустафа Сулейманович имел высшее военное образование. В период Первой мировой войны он состоял на военной службе в чине капитана 102-й пехотной дивизии. Летом 1916 г. некоторое время находился в г. Ялта (Крым), в санатории для недостаточных чахоточных в память Императора Александра III, откуда 1 сентября 1916 г. выбыл в свою часть. С начала XX в. Мустафа Шинкевич постоянно проживал в Крыму (г. Симферополь), где в 1917–1920-х гг. возглавлял «Союз литовских татар». В 1930-х гг. служил прорабом в Госсантехмонтаже. 7 сентября 1936 г. был арестован органами НКВД Крыма, обвинен по ст. 58 (п. 10) УК РСФСР (создание антисоветской организации польских и литовских татар) и выслан (13 апреля 1937 г.) из Крыма в Архангельск сроком на 5 лет³⁸. Ссылку отбывал в г. Тотьма Вологодской области, где в феврале 1938 г. был повторно арестован. Однако в мае 1939 г. дело было прекращено «за недостаточностью материалов для предания суду»³⁹. Вероятнее всего, Мустафа Шинкевич умер в ссылке⁴⁰. Его сын – Эдигей Шинкевич (1911 г., Бахчисарай, Российская империя – 1980 г., Мюнхен, Германия) после окончания Ялтинской гимназии поступил в Симферопольский педагогический институт. В самом начале 1930-х гг. он смог нелегально покинуть СССР и через Иран и Турцию (где получил турецкое гражданство) добраться до г. Вильно. Здесь он учился в Школе политических наук при Институте исследований Восточной Европы, а также принимал активное участие в общественной жизни и деятельности национальной общины («Кружок татарской молодежи») ⁴¹. Вероятно, трагическая судьба старшего брата, рассказы племянника о ситуации в Советской России, начавшиеся массовые преследования, в том числе интеллигенции национальных окраин, а также жестокая насильственная коллективизация могли еще больше усилить негативное отношение Я. Шинкевича к советскому режиму, что впоследствии повлияло на стратегический выбор союзников в период противостояния двух систем.

38 База данных «Жертвы политического террора в СССР».

39 Проект «Чтобы помнили...»; база данных «Жертвы политического террора в СССР».

40 С. Грибова, 2019, с. 132.

41 В 1939 г., с приближением советских войск, Эдигей Шинкевич покинул город, перебравшись вместе с сотрудниками турецкого посольства в Турцию. В 1942 г. он вернулся в Вильнюс (уже как представитель Красного Полумесяца по делам советских военнопленных из числа крымских татар) и оставался там до лета 1944 г. В послевоенные годы жил в Германии (г. Мюнхен), работал в Мюнхенском институте по изучению истории и культуры СССР, а также сотрудничал с «Радио Свобода».

Что касается личной жизни Якуба Шинкевича, то вскоре после переезда в Польшу осенью 1926 г. он женился на Лидии Тальковской. 18 октября 1928 г. у пары родился сын Джемиль⁴². О единственном сыне Якуба Шинкевича известно немного: в годы войны он был студентом Виленского университета, а после войны вместе с родителями перебрался в США, где и прожил большую часть своей жизни. До начала 1930-х гг. семья проживала по адресу: Вильно, ул. А. Мицкевича 19, кв. 3 / Wilno, ul. A. Mickiewicza 19, m. 3, а затем переехала в соседний дом – ул. А. Мицкевича 21, кв. 1 / ul. A. Mickiewicza 21, m. 1⁴³.

Перед приходом советских оккупационных властей (1940) Якуб Шинкевич вместе со своим заместителем по религиозным структурам уничтожил большую часть документов и бумаг, хранившихся в архиве вильнюсского муфтиата, и покинул город, что помогло ему избежать ареста. Сразу же после включения Литвы (вместе с Вильнюсом) в состав Советского Союза в республике начались массовые аресты среди татарского населения. Во время допросов заключенным неизменно задавались вопросы о деятельности и местонахождении муфтия. Например, весной 1941 г. следствие активно допрашивало Мустафу Янушевского (1890 – после сентября 1941 г.) о его роли в деятельности татарских национальных организаций, а также об отношениях с муфтием. Факт знакомства с муфтием обвиняемый признавал, но категорически отрицал какое-либо участие в деятельности контрреволюционных националистических организаций⁴⁴. Такие же допросы проводились в отношении местных татар, арестованных в 1945–1947 гг. В частности, после войны был арестован племянник муфтия – Мустафа Измаилович Воронович (1905– ?), который в годы войны приехал в оккупированный немцами Вильно и при содействии дяди устроился сторожем при мечети. От него требовали признаний и разоблачающих показаний в отношении всего руководства муфтиата⁴⁵.

Очевидно, что трагическая судьба старшего брата, погибшего в период сталинских репрессий, а также позиция и обличительные рассказы племянника, лишь по счастливой случайности сумевшего избежать ареста и вовремя покинувшего СССР, укрепили крайне отрицательное отношение Якуба Шинкевича к советской власти и той тоталитарной системе, которая

42 А. Якубаускас, 2012, с. 385–386.

43 *Życie Tatarskie*, 1934, s. XX.

44 LYA, f. K-1, ap. 58, b. 37583/3.

45 LYA, f. K-1, ap. 58, b. 9461/3.

сложилась в СССР в эти годы. В то же время, избежав одной тоталитарной системы, он, по сути, заключил «союз с дьяволом» и сотрудничал с немецкими оккупационными властями⁴⁶. В 1942 г. Якуб Шинкевич вернулся в оккупированный немцами Вильнюс, где руководил возрожденным муфтиатом. Правда, он не был доволен ограничением сферы своей деятельности территорией Литвы и надеялся на включение в этот ареал всей территории проживания польско-литовско-белорусских татар. Есть информация, что Я. Шинкевич обращался за содействием в решении этого вопроса к своему знакомому по берлинскому периоду Алимджану Идриси, который являлся ответственным сотрудником Министерства иностранных дел Германии. Уже в июне 1942 г. сфера влияния Якуба Шинкевича как главы религиозных структур была распространена на весь т. н. «Остланд» – территорию, куда вошли оккупированные земли стран Балтии, Беларуси и даже части Украины⁴⁷.

В литературе постоянно воспроизводится информация о дружбе Якуба Шинкевича с Йозефом Геббельсом (1897–1945), будущим идеологом нацизма и главным пропагандистом Третьего рейха⁴⁸. Причем истоки этой дружбы исследователи относят к студенческим годам. Однако в этой информации есть некоторые противоречия. Известно, что Й. Геббельс в 1917–1921 гг. изучал германистику и историю в университетах Бонна, Вюрцбурга, Фрайбурга и Мюнхена и защитил в 1921 г. в Гейдельбергском университете диссертацию по классической немецкой филологии. В Берлине он обосновался лишь во второй половине 1920-х гг., приехав в немецкую столицу 7 ноября 1926 г. Я. Шинкевич же проживал в Берлине с конца 1919 г. до осени 1926 г., занимаясь совсем другой областью науки – востоковедением. Такая дружба тем более сомнительна, если принять во внимание значительную разницу в возрасте (13 лет) и пропасть в социальном положении, хотя факт личного знакомства в более поздний период отрицать нельзя. В настоящее время, кроме голословных утверждений, в литературе нет никаких достоверных свидетельств их знакомства в молодости, а тем более дружбы со студенческих лет.

46 Такая коллаборация была в русле нацистского курса на использование «подрывного» потенциала т. н. «всеобщего ислама». Подробнее см.: D. Motadel, 2014. Об исламском факторе в ходе Второй мировой войны и особенно в рамках германо-советского фронта подробнее см.: J. Eden, 2021.

47 С. Грибова, 2019, с. 119–136.

48 J. Tyszkiewicz, 1998, s. 146; С. Грибова, 2019, с. 123. По мнению Давида Мотаделя (David Motadel), идеологов Третьего рейха, прежде всего Генриха Гиммлера, всерьез увлекла идея природной мировоззренческой близости нацизма и ислама.

Так или иначе, полученное в Германии высшее образование, а также близкое знакомство с немецкой историей и культурой, вкупе с антибольшевистскими настроениями способствовали тому выбору, который был сделан в начале 1940-х гг.

Практическая деятельность Я. Шинкевича, вступившего в период немецкой оккупации на путь политической коллаборации с нацистским режимом, имела неоднозначный характер: он способствовал воссозданию «Союза татарской молодежи» (Бирлик), инициировал поездку группы татарской молодежи в Германию и Австрию (апрель–май 1944 г.), возможно, даже поддерживал идею создания мусульманских военных формирований в составе германской армии. С другой стороны, представленная муфтиатом информация о тюркском происхождении караимов позволила спасти членов караимской общины от полного уничтожения в период расовых чисток, проводимых нацистами. Но в целом, сотрудничество с нацистским режимом имело серьезные негативные последствия для самого муфтия и его последующей репутации.

Несколько слов следует сказать об ознакомительной поездке татарской молодежи по городам Германии. Такая идея была высказана Я. Шинкевичем еще в августе 1943 г. В пояснительной записке он следующим образом аргументировал необходимость поездки: «Большевистский террор, который бушевал более 20 лет, разрушал культурную и экономическую жизнь страны. Татары страдали также сильно. После введения немецкого руководства возвращается нормальная жизнь. Татарская молодежь, воспитанная в большевистском духе, никогда не видела культурного государства. Поэтому было бы желательно обеспечить возможность поездки в Германию 20 молодым татарам. Татары смогли бы познакомиться и изучить Рейх, его культурные памятники, лучшие заводы, фабрики, а также сильную власть. Эта поездка была бы очень полезной, потому что об увиденном участники поездки расскажут своим сверстникам»⁴⁹. Очевидно, что в этих аргументах основной упор был сделан на необходимость знакомства с культурным наследием и экономическим потенциалом Германии, а также на целесообразность проведения «дебольшевизации» татарской молодежи, выросшей в Советском Союзе, к которому после 1920 г. отошла большая часть Минской области. В то же время автор записки тщательно обходит политические аспекты, сознательно игнорируя сущность и цели нацистского режима.

49 Цит. по: С. Грибова, 2019, с. 125–126.

Экскурсионная поездка стала возможной лишь весной 1944 г. после длительных согласований. С учетом времени и кардинальных перемен в положении восточного фронта эта инициатива может рассматриваться как политическая близорукость и недалекость ее инициаторов и руководства муфтиата в целом. Так или иначе, данная поездка состоялась в апреле – мае 1944 г., когда поражение Германии в войне было уже предрешено. Группа татарской молодежи (в ее составе был и 16-летний студент Вильнюсского университета Джемиль Шинкевич) вернулась на родину в мае 1944 г., а в июле того же года советские войска вошли в Вильнюс.

Приближение советских войск вновь круто изменило судьбу Я. Шинкевича: вместе с семьей и группой единомышленников он был вынужден в очередной раз покинуть родину. Летом 1944 г. Я. Шинкевич, получив разрешение выехать из Литвы вместе с отступавшими немецкими войсками и группой татар численностью около ста человек, оставил Вильнюс. Сначала он оказался в Вене, в зоне оккупации союзников, а после окончания войны переехал в Египет. Уже оттуда семья Я. Шинкевича в 1952 г. переехала в США, где проживала вплоть до самой его смерти, однако информации об этом этапе его жизни чрезвычайно мало⁵⁰. По сведениям А. Криницкого, с начала 1950 г. Якуб Шинкевич состоял имамом бруклинской мечети Нью-Йорка. Но, вероятно, в эти годы его публичная активность – как в силу возраста, так и в силу потрясений последних лет – была незначительной. Старость бывший муфтий провел в г. Уотербери штата Коннектикут (Waterbury, Connecticut), где и скончался 1 ноября 1966 г. в возрасте восьмидесяти двух лет.

Заключение

Длинная и богатая событиями и достижениями жизнь Якуба Шинкевича условно делится на четыре периода, связанных как с местом основного проживания (Минск и Санкт-Петербург / Российская империя; Берлин / Германия; Вильно / Польша; Нью-Йорк / США), так и с основным родом деятельности: студенчество и образование; вступление в академическую среду и активные научные изыскания; религиозно-административная и политическая деятельность. Как на научной стезе, так и в иных сферах Я. Шинкевич продемонстрировал недюжинные способности и таланты, а также значительные достижения. В то же время, недолгое сотрудничество с преступным

50 G. Czerwiński, 2013, s. 19.

по своей сути нацистским режимом предопределило крах его политической карьеры, что привело к изгнанию и вынужденному пребыванию на закате жизни на чужбине, вдали от родины и в забвении. Тем не менее, в последние десятилетия имя Якуба Шинкевич и его наследие, прежде всего научное, получили и продолжают получать заслуженное внимание и признание.

Библиография

- Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М., 1996 – Федор Дмитриевич Ашнин, Владимир Михайлович Алпатов, «Архивные документы о гибели академика А. Н. Самойловича», in: Восток, 1996, № 5, с. 153–162.
- База данных «Жертвы политического террора в СССР» [интернет-ресурс], in: <https://base.memo.ru/person/show/3106727>, (12-09-2022).
- База данных «Жертвы политического террора в СССР» [интернет-ресурс], in: <https://base.memo.ru/person/show/3074795>, (12-09-2022).
- База данных жертв политических репрессий [интернет-ресурс], in: <http://memorial-totma.ru/repress>, (12-09-2022).
- Валиди-Тоган З., 1998 – Заки Валиди-Тоган, Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры, Книга II, Уфа, 1998.
- Госманов М., 2019 – Миркасы́йм Госманов, «Археографик көндәлек (1964)» [Подготовка текста к публикации Д. М. Усмановой], in: Безнең мирас, 2019, № 9, с. 30–35; № 10, с. 32–38.
- Грибова С., 2019 – Светлана Грибова, «Деятельность муфтия Якуба Шинкевича в годы Второй мировой войны (1939–1945)», in: Muslim East in Slavic Literatures and Culture, ed. by Gregorz Czerwiński, Artur Konopacki, Anetta Buras-Marciniak, Eugenia Maksimowicz, Białystok, 2019, с. 119–136.
- Мансуров Г., 1925 – Гасым Мансуров, Татар провокаторлары, Москва, 1925.
- Самойлович А. Н., 1926 – Александр Николаевич Самойлович, «Литовские татары и арабский алфавит», in: Известия Общества обследования и изучения Азербайджана, 1926, № 3, с. 3–7.
- Татар поэзиясе антологиясе, 1992 – Татар поэзиясе антологиясе, төз. Г. Рәхим, 1 китап, Казан, 1992.
- Червинский Г., 2015 – Гжегож Червинский, «Известный ориенталист и религиозный деятель Якуб Шинкевич», in: Tatarica, 2015, № 1 (4), с. 210–213.
- Якубаускас А., 2012 – Адас Якубаускас, «Шинкевич Якуб», in: Литовские татары в истории и культуре, Каунас, 2012, с. 385–386.
- Lietuvos ypatingasis archyvas (LYA), f. K-1, ap. 58, b. 5949/3.
- Lietuvos ypatingasis archyvas (LYA), f. K-1, ap. 58, b. P-12811.
- Lietuvos ypatingasis archyvas (LYA), f. K-1, ap. 58, b. 37583/3.
- Lietuvos ypatingasis archyvas (LYA), f. K-1, ap. 58, b. 9461/3.

- Al-Rabghüzi, 1995 – Al-Rabghüzi, *The Stories of the Prophets: Qiṣas al-Anbiyāʾ*, An Eastern Turkish Version, I–II, ed. H. E. Boeschoten, Marc van Damme, S. Tezcan, Leiden, 1995.
- Boeschoten H. E., M. van Damme, 1985 – Hendrik Erik Boeschoten, Mark van Damme, “The Different Copyists in the London ms. of the Qiṣas-i Rabghuzi”, in: *Utrecht Papers on the Central Asia. Proceedings of the 1st European Seminar on the Central Asian Studies*, Utrecht, 1985, p. 177–183.
- Czerwiński G., 2013 – Grzegorz Czerwiński, *Sprawozdania z podróży muftiego Jakuba Szynkiewicza. Źródła, omówienie, interpretacja*, Białystok: Książnia Podlaska, 2013.
- Eden J., 2021 – Jeff Eden, *God Save the USSR: Soviet Muslims and the Second World War*, New York: Oxford University Press, 2021.
- Gąsiorowski S., 2015 – Stefan Gąsiorowski, “Szynkiewicz”, in: *Polski Słownik Biograficzny*, Bd. 50, 2015, s. 321.
- Jankowski H., 2011 – Henryk Jankowski, “Jakub Szynkiewicz”, in: *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Türkoloji Dergisi*, 18, 2 (2011), s. 61–68.
- Katalog Tatarskiego Muzeum, 1929 – Katalog Tatarskiego Muzeum Narodowego w Wilnie, Wilno, 1929.
- M. van Damme, 1992 – Mark van Damme, “Rabghuzi’s Qiṣas al-Anbiyāʾ, Reconsidered in the Light of Western Medieval Studies: Narrationes vel Exempla”, in: *De Turcicis aliisque rebus: Commentarii Henry Hofman dedicati*, Utrecht, 1992, p. 7–38.
- Moslemische Revue, 1937 – “Der Gross-Mufti von Polen in Indien”, in: *Moslemische Revue*, 1937, Apr. Heft 1, s. 15–18.
- Motadel D., 2014 – David Motadel, *Islam and Nazi Germany’s War*, Cambridge, MA and London: Belknap Press, 2014.
- Račius E., 2016 – Egdūnas Račius, “Muslims of Interwar Lithuania: The Predicament of a Turn Autochthonous Ethno-Confessional Community”, in: *Muslim in Interwar Europe. A Transcultural Historical Perspective*, ed. by Bekim Agai, Umar Ryad, Mehdi Sajid, Leiden-Boston: Brill, 2016, p. 178–204.
- Rocznik Tatarski, 1932 – Rocznik Tatarski, t. 1, Wilno, 1932.
- Schinkewitsch J., 1926 – Jakob Schinkewitsch, *Rabghuzi’s Syntax*, Berlin, 1926.
- Schinkewitz J., 1947 – Jakob Schinkewitz, *Rabgūzi Sentaksı* (trc. Sabit S. Payalı), İstanbul, 1947.
- Szynkiewicz J., 1935 – Jakob Szynkiewicz, “Literatura religijna Tatarów litewskich i jej pochodzenie”, in: *Rocznik Tatarski*, Zamość, t. 2, 1935, s. 138–145.
- Tyszkiewicz J., 1998 – Jan Tyszkiewicz, *Z historii Tatarów polskich 1794–1944*, Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztor, 1998.
- Zagórski B. R., 2017 – Bogusław R. Zagórski, “Polish Connections to the Hajj between Mystical Experience, Imaginary Travelogues and Actual Reality”, in: *The Hajj and Europe in the Age of Empire*, ed. by Umar Ryad, Leiden: Brill, 2017, p. 155–184.
- Życie Tatarskie, 1934 – Życie Tatarskie, 1934, № 2.
- Życie Tatarskie, 1935 – Życie Tatarskie, 1935, № 11.

Bibliography (Transliteration)

- Al-Rabghūzi, 1995 – Al-Rabghūzi, *The Stories of the Prophets: Qīṣas al-Anbiyāʾ*, An Eastern Turkish Version, I-II, ed. H. E. Boeschoten, Marc van Damme, S. Tezcan, Leiden, 1995.
- Ashnin F. D., Alpatov V. M., 1996 – Fedor Dmitrievich Ashnin, Vladimir Mihajlovich Alpatov, “Arhivnye dokumenty o gibeli akademika A. N. Samojlovicha”, in: *Vostok*, 1996, № 5, s. 153–162.
- Baza dannyh “Zhertyv politicheskogo terrora v SSSR” [internet-resurs] in: <https://base.memo.ru/person/show/3106727>, (12.09.2022).
- Baza dannyh “Zhertyv politicheskogo terrora v SSSR” [internet-resurs] in: <https://base.memo.ru/person/show/3074795>, (12.09.2022).
- Baza dannyh zhertv politicheskikh repressij, [internet-resurs] in: <http://memorial-totma.ru/repress>, (12.09.2022).
- Boeschoten H. E., M. van Damme, 1985 – Hendrik Erik Boeschoten, Mark van Damme, “The Different Copyists in the London ms. of the Qisas-i Rabghuzi”, in: *Utrecht Papers on the Central Asia. Proceedings of the 1st European Seminar on the Central Asian Studies*, Utrecht, 1985, p. 177–183.
- Czerwiński Gr., 2013 – Grzegorz Czerwiński, *Sprawozdania z podróży muftiego Jakuba Szynkiewicza. Źródła, omówienie, interpretacja*, Białystok: Książnia Podlaska, 2013.
- Czerwiński Gr., 2015 – Grzegorz Czerwiński, “Izvestnyj orientalist i religioznyj dejatel’ Jakob Shinkevich”, in: *Tatarica*, 2015, № 1 (4), s. 210–213.
- Eden J., 2021 – Jeff Eden, *God Save the USSR: Soviet Muslims and the Second World War*, New York: Oxford University Press, 2021.
- Ğaşiorowski S., 2015 – Stefan Ğaşiorowski, “Szynkiewicz”, in: *Polski Słownik Biograficzny*, Bd. 50, 2015, s. 321.
- Gosmanov M., 2019 – Mirkasyjm Gosmanov, “Arkheografik köndäleک (1964)” [Podgotovka teksta k publikacii D. M. Usmanovoj], in: *Beznen miras*, 2019, № 9, s. 30–35; № 10, s. 32–38.
- Gribova S., 2019 – Svetlana Gribova, “Dejatel’nost’ muftija Jakuba Shinkevicha v gody Vtoroj mirovoj vojny (1939–1945)”, in: *Muslim East in Slavic Literatures and Culture*, ed. by Gregorz Czerwiński, Artur Konopacki, Anetta Buras-Marciniak, Eugenia Maksimowicz, Białystok, 2019, s. 119–136.
- Jakubauskas A., 2012 – Adas Jakubauskas, “Shinkevich Jakob”, in: *Litovskie tatarj v istorii i kul’ture*, Kaunas, 2012, s. 385–386.
- Jankowski H., 2011 – Henryk Jankowski, “Jakub Szynkiewicz”, in: *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Türkoloji Dergisi*, 18, 2 (2011), s. 61–68.
- Katalog Tatarskiego Muzeum..., 1929 – Katalog Tatarskiego Muzeum Narodowego w Wilnie, Wilno, 1929.

- Lietuvos ypatingasis archyvas (LYA), f. K-1, ap. 58, b. 5949/3.
- Lietuvos ypatingasis archyvas (LYA), f. K-1, ap. 58, b. P-12811.
- Lietuvos ypatingasis archyvas (LYA), f. K-1, ap. 58, b. 37583/3.
- Lietuvos ypatingasis archyvas (LYA), f. K-1, ap. 58, b. 9461/3.
- M. van Damme, 1992 – Mark van Damme, “Rabghuzi’s Qiṣaṣ al-Anbiyā’, Reconsidered in the Light of Western Medieval Studies: Narrationes vel Exempla”, in: *De Turcicis aliisque rebus: Commentarii Henry Hofman dedicati*, Utrecht, 1992, p. 7–38.
- Mansurov G., 1925 – Gasym Mansurov, *Tatar provokatorlary*, Moskva, 1925.
- Moslemische Revue, 1937 – „Der Gross-Mufti von Polen in Indien“, in: *Moslemische Revue*, 1937, Apr. Heft 1, s. 15–18.
- Motadel D., 2014 – David Motadel, *Islam and Nazi Germany’s War*, Cambridge, MA and London: Belknap Press, 2014.
- Račius E., 2016 – Egdūnas Račius, “Muslims of Interwar Lithuania: The Predicament of a Turn Autochthonous Ethno-Confessional Community”, in: *Muslim in Interwar Europe. A Transcultural Historical Perspective*, ed. by Bekim Agai, Umar Ryad, Mehdi Sajid, Leiden-Boston: Brill, 2016.
- Rocznik Tatarski, 1932 – Rocznik Tatarski, t. 1, Wilno, 1932.
- Samojlovich A. N., 1926 – Aleksandr Nikolaevich Samojlovich, “Litovskie tatory i arab-skij alfavit”, in: *Izvestija Obshchestva obsledovanija i izuchenija Azerbajdzhana*, 1926, № 3, s. 3–7.
- Schinkewitsch J., 1926 – Jakob Schinkewitsch, *Rabghuzi’s Syntax*, Berlin, 1926.
- Schinkewitz J., 1947 – Jakob Schinkewitz, *Rabgūzī Sentaksı* (trc. Sabit S. Payalı), İstanbul, 1947.
- Szynkiewicz J., 1935 – Jakob Szynkiewicz, “Literatura religijna Tatarów litewskich i jej pochodzenie”, in: *Rocznik Tatarski, Zamość*, t. 2, 1935, s. 138–145.
- Tatar poehzijase antologijase, 1992 – Tatar poehzijase antologijase, töz. G. Räkhim, 1 kitap, Kazan, 1992.
- Tyszkiewicz J., 1998 – Jan Tyszkiewicz, *Z historii Tatarów polskich 1794–1944*, Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztora, 1998.
- Validi-Togan A.-Z., 1998 – Akhmet-Zaki Validi-Togan, *Vospominanija. Bor’ba narodov Turkestana i drugih vostochnyh musul’man-tjurkov za nacional’noe bytie i sohranenie kul’tury*, kniga II, Ufa, 1998.
- Zagórski B. R., 2017 – Bogusław R. Zagórski, “Polish Connections to the Hajj between Mystical Experience, Imaginary Travelogues and Actual Reality”, in: *The Hajj and Europe in the Age of Empire*, ed. by Umar Ryad, Leiden: Brill, 2017, p. 155–184.
- Życie Tatarskie, 1934 – Życie Tatarskie, 1934, № 2.
- Życie Tatarskie, 1935 – Życie Tatarskie, 1935, № 11.

SCOLAR, MUFTI AND POLITICIAN – THREE “LIVES” OF JAKUB SZYNKIEWICZ

Summary. The article deals with the biography of the outstanding representative of the Polish-Lithuanian-Belarusian Tatar community – Jakub Szykiewicz, whose life path fell on the first half of the 20th century, full of political upheavals and turning points. Being endowed by nature with great abilities, he left a significant mark in all areas and affairs in which he happened to be engaged. Both in the area of science and in the religious and administrative field, he achieved great success, leaving behind a significant legacy and a good memory. Perhaps only his political activity causes censure and various interpretations in modern literature, since it was based on the dubious basis of cooperation with a totalitarian, criminal regime. At the same time, this choice was partly predetermined by the political realities that dominated Eastern Europe at the turn of the 1930s and 1940s.

In this article, the main attention is paid to the scholarly component of Jakub Szykiewicz's biography, which fell on the Berlin period of his life in the first half-mid-1920s. At the same time, it is reasonable to make a complete review of the main stages of his life, which allows one to enter the “scholarly” part in a broader historical context and show what caused this or that strategic choice of life trajectory, in which extremely sharp and fateful turns were sometimes made. Although Jakub Szykiewicz never acted as an “armchair” scholar engaged in “pure science”, but rather was a quite politicized person. Nevertheless, his contribution to the world of Oriental studies is very significant and is associated both with the study of “kitabistics” and Turkological studies of the writings of Rabghuzi and other medieval texts. In general, scholarly activity should not be obscured by the religious-administrative or political actions of Jakub Szykiewicz.

Keywords: Jakub Szykiewicz (Jakub Schinkewitsch), Polish-Lithuanian Tatars, University of Berlin, Oriental studies, Turkology, Rabghuzi's work, Rzeczpospolita (The Polish-Lithuanian Commonwealth), Vilna, muftiate.

Диляра Усманова, хабилитированный доктор гуманитарных наук, профессор.

Diliara Usmanova, Doctor Habilitatus of Humanities, professor.

Diliara Usmanova, humanitarinių mokslų habilituota daktarė, profesorė.